

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

DOI 10.15826/izv2.2021.23.1.020
УДК 94(44)“15” + 272-41-053.5 +
+ 930(44)“20”

П. Ю. Уваров

¹ *Институт всеобщей истории РАН*

² *Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

КТО ГЛАГОЛЕТ УСТАМИ МЛАДЕНЦА? ДЕТИ И РЕЛИГИОЗНОЕ НАСИЛИЕ ВО ФРАНЦИИ

Рец. на кн.: Crouzet D. Les enfants bourreaux au temps des guerres de Religion. — Paris : Albin Michel, 2020. — 336 p.

Данное эссе представляет собой размышления над новой книгой известного французского историка Дени Крузе, посвященной теме детского насилия, и шире — образу детей во время Религиозных войн во Франции. Новизна и ценность рассматриваемой книги заключается в выделении образов «невинных младенцев» в отдельный сюжет. Новыми представляются и размышления автора об «истоках вдохновения» юных французских гонителей гугенотов. Д. Крузе указывает на антропологические соответствия, присущие культуре как итальянских, так и французских городов. Здесь и карнавальная инверсия «мира наизнанку», и социальная функция объединений молодежи, участвующих в обрядах шаривари. Исследователь обращается к новым источникам: песнопениям, исполняемым детьми на Рождество, к мистериям и мираклям. Играя как невинных младенцев, страдающих от Ирода, так и ангелов, карающих злодея, городские дети учились тому, что и как делать в условиях карнавального вызова.

Интерес представляет процесс выхода из эсхатологического активизма. После 1572 г. банды детей-палачей сходят со сцены. Лишь убийство Гизов на Рождество 1588 г. выплеснуло на улицы Парижа толпы детей. Но теперь они описывались иначе — как дисциплинированная масса, занятая не погромами, но молитвами. Крузе говорит о «католическом сознании», но это был уже иной католицизм, реформированный, все далее отходящий от старого «корпоративного католицизма». Религиозная политическая активность детей уйдет в прошлое. Вновь

образ невинного ребенка будет востребован уже после Революции, когда в десакрализованном контексте дети станут воплощением французской нации.

Ключевые слова: Франция; XVI век; Религиозные войны; Варфоломеевская ночь; католицизм; эсхатология; детство; насилие; Дени Крузе; французская историография

Цитирование: Уваров П. Ю. Кто глаголет устами младенца? Дети и религиозное насилие во Франции // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 1. С. 293–306. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.020>. Рец. на кн.: Crouzet D. *Les enfants bourreaux au temps des guerres de Religion*. — Paris : Albin Michel, 2020. — 336 p.

Поступила в редакцию: 25.12.2020

Принята к печати: 24.01.2021

Pavel Yu. Uvarov

¹ *Institute of World History RAS*

² *National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russia*

WHO SPEAKS THROUGH THE MOUTHS OF BABES? CHILDREN AND RELIGIOUS VIOLENCE IN FRANCE

Review of: Crouzet, D. (2020). *Les enfants bourreaux au temps des guerres de Religion*. Paris: Albin Michel. 336 p.

This essay contains reflections on a new book by renowned historian Denis Crouzet on children's violence, and, more broadly, on the image of children during the French Wars of Religion. In the book under review, the novelty lies in the fact that the images of 'innocent infants' make part of a separate plot. Just as novel are Denis Crouzet's reflections on the 'sources of inspiration' of the young French persecutors of heretics. The author indicates the anthropological correspondences inherent in the culture of both Italian and French cities, such as the carnivalesque inversion of the 'world inside out' and the social function of youth associations taking part in the 'charivari' rites. Denis Crouzet pays attention to sources that are novel to him, like children's Christmas chants, mystery plays, and 'miracles'. While impersonating the Innocents persecuted by Herod but also angels carrying retaliation to this villain, urban children learnt what and how to do in the face of a carnival challenge.

The ways to leave the eschatological activism are of particular interest. After 1572, the gangs of executioners-children left the scene. Only the murder of the Guises on Christmas Day, 1588, threw crowds of children into the streets of Paris. Now they were described differently, however, — as a disciplined mass, occupied not with outrages but with prayers. The author speaks of 'Catholic consciousness', but that was already a different reformed Catholicism, departing further and further from the old 'corporate Catholicism'. The religious political activity of children would become a thing of the past, however. The image of an innocent child would once more be in demand

only after the Revolution, when, this time in a desecralised context, children became the embodiment of the French nation.

Key words: France; sixteenth century; wars of religion; St. Bartholomew's Day Massacre; Catholicism; eschatology; childhood; violence; Denis Crouzet; French historiography

For citation: Uvarov, P. Yu. (2021). Kto glagolet ustami mladentsa? Deti i religioznoe nasilie vo Frantsii [Who Speaks through the Mouths of Babes? Children and Religious Violence in France]. *Review of: Crouzet, D. (2020). Les enfants bourreaux au temps des guerres de Religion*. Paris: Albin Michel. 336 p. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(1), 293–306. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.020>

Submitted: 25.12.2020

Accepted: 24.01.2021

Известный французский историк Дени Крузе опубликовал в 2020 г. книгу под звонким названием «Дети-палачи во время Религиозных войн» [Crouzet, 2020]. На ее обложке странным образом помещен фрагмент «Детских игр» Питера Брейгеля Старшего, где дети, как известно, никого не убивают и не терзают, а предаются своим забавам.

Впрочем, это автор как раз объясняет. Найти аутентичное изображение детей, занимавшихся тем, о чем рассказывается в книге, не удалось¹. Но дело не только в этом. На сравнительно небольшом (118 x 161 см) полотне *Kinderspelen* специалисты насчитали не менее 86 игр, значительную часть из которых удалось идентифицировать [Segarra]. Но что-то в изображении города, практически полностью отданного во власть детей, настораживает, и уж радости это зрелище точно не вызывает. У детей лица и одежда маленьких взрослых. Они полностью сосредоточены на своих играх, никто не смеется, не смотрит по сторонам, глаза их выглядят пустыми черными точками. Они вовсе не дети, но — метафора «безумия человеческого существования в условиях “перевернутого мира”», по выражению Н. М. Гершензон-Чегодаевой [Гершензон-Чегодаева, с. 164], которую Д. Крузе не знает, но знает много других авторов, придерживающихся именно такой трактовки. Картина, судя по всему, призвана заставить прозреть взрослых, ослепленных своим безумием, своими бесполезными занятиями, которым они, забыв о Боге, предаются с тем же упорством, что и запечатленные Брейгелем дети. По мнению автора, устрашающий настрой картины вызван не только ее дидактизмом, но и предчувствием грядущего безумия, которое охватит мир, когда дети начнут играть в то, что они — стальное жало Божьего гнева.

Картина Брейгеля датируется 1560 г. В это время во Франции дети уже начинают выходить на подмостки театра религиозного насилия. В начальный период Религиозных войн в десятках городов дети нападают на «еретиков»-гугенотов,

¹ Это само по себе повод для размышлений. Изображений Варфоломеевской ночи не так уж и мало, однако дети там почему-то отсутствуют.

забрасывают их камнями, подавая тем самым пример взрослым. Затем толпа детей глумится над телами убитых гугенотов, их волокут на веревке по улицам, вспарывают живот, выпускают кишки, выкалывают глаза, кастрируют, иногда пытаются поджечь останки, затем выбрасывают трупы в реку, сточную канаву или скотомогильник. В своих описаниях Д. Крузе не придерживается хронологического порядка, его больше интересуют символические аспекты происходящего. Если я не ошибаюсь, то самое раннее из упомянутых им событий датируется 23 октября 1559 г.² Тогда в городе Даргиньяне действия разворачивались по описанному выше сценарию. 29 апреля 1560 г. в Экс-ан-Провансе обошлось без жертв: дети в окружении взрослых перед домами горожан (в том числе и членов местного Парламента), подозреваемых в потворстве ереси, сжигали их чучела. Однако решительные действия городских властей не дали демонстрациям перерасти в побоище. Инциденты с активным участием детей происходили в Амьене, Лионе, Осере, Париже и других городах. Расправы участились после королевского январского эдикта 1562 г., предписывавшего мирное сосуществование католиков и гугенотов. Ни гугеноты, ни тем более католики не могли смириться с навязанным им режимом, что вылилось в эскалацию насилия. Затем с началом полномасштабной войны весной-летом 1562 г. погромы умножились, приобретая все более кровавый характер.

Впервые я познакомился с одной из статей Д. Крузе в середине 1980-х гг. [Crouzet, 1982] и был поражен необычным подходом к истории Религиозных войн. Это была история эмоций, коллективных страхов, массового, в том числе детского, насилия, остававшаяся при этом социальной историей. Его диссертация, защищенная в 1989 г., произвела шокирующее впечатление на коллег своим неординарным подходом. Автор искал смысл в том, что было принято считать бессмысленным, безумным провалом в звериное варварство. Казалось, что экстагическая одержимость толпы если и могла представлять интерес, то скорее для медика, как феномен массового помешательства, но отнюдь не для историка. В 1991 г. по материалам диссертации Д. Крузе издал два огромных тома — «Божьи войны: насилие во время религиозных смут 1520–1610 гг.» с предисловиями двух его учителей — Пьера Шоню и Дени Рише [Crouzet, 1990], затем последовало не менее эпатажное исследование — «Варфоломеевская ночь: утраченная мечта Ренессанса» [Crouzet, 1994]. В дальнейшем, помимо обобщающих работ и коллективных трудов (что вполне ожидаемо от руководителя большого научного коллектива — научно-педагогического Центра Ролана Мунье при Сорбонне, изучающего историю раннего Нового времени) он с завидной

² Автор книги полагает, что Религиозные войны начались не в 1562 г., как написано в учебниках, а в 1559 г. Дело в том, что А. Д. Люблинская, работавшая в начале 1960-х гг. с донесениями французских губернаторов 1559–1560 гг., которые сохранились в ленинградской «Коллекции П. П. Дубровского», пришла к выводу, что военные столкновения католиков и протестантов начались во Франции сразу же после подписания мира в Като-Камбрези (1559). Следовательно, гражданские войны можно de facto датировать этим годом. В 2013 г. вышло в свет исправленное и дополненное издание этих документов, с которым удалось ознакомить французских коллег, в том числе и Д. Крузе [Документы по истории Франции...].

регулярностью публикует большие книги («деструктурированные биографии», как он назвал их сам), посвященные деятелям эпохи Ренессанса — Екатерине Медичи, канцлеру Мишелю Лопиталю, коннетаблю Бурбону, Жану Кальвину, Христофору Колумбу, императору Карлу V, Нострадамусу. Последняя книга была переведена на русский язык [Крузе, 2011], явно разочаровав любителей конспирологии и мистики. Автор раскрывал смысл пророческих текстов Нострадамуса (в первую очередь — медика, спасавшего людей от чумы) сквозь призму духовного мировоззрения его времени, неотрывного от социальных катаклизмов. Метод Д. Крузе заключается в раскрытии субъективных смыслов действующих лиц истории в контексте идей, чаяний и духовных исканий. Еще в докомпьютерную эпоху он обозначил свой жанр как «виртуальную историю» — историю, написанную так, как она виделась тому или иному участнику событий в соответствии с его картиной мира, его психическим состоянием, его средой. Точнее, как она виделась сначала одному, потом другому, потом третьему. Так, например, трагедия Варфоломеевской ночи была порождена столкновением как минимум трех концепций власти: монархической, основанной на ренессансной неоплатонической идее всеобщей любви и единения, гугенотской — тираноборческой, и католической, окрашенной в эсхатологические тона, где король — глава общины верных, а «еретики» — слуги Антихриста, где христианнейший король должен выполнить Божью волю и истребить злодеев-нелюдей, иначе его самого заподозрят в пособничестве Зверю.

Д. Крузе не скрывает, что находится под влиянием работ Альфонса Дюпрона, открывшего нам смысл крестоносной идеи для европейской цивилизации [Dupront, 1954; 1997]. Для него история — это буря знаков, и задача историка состоит в том, чтобы расшифровать языки, этими знаками образованные, и воссоздать способы мышления их носителей. Стилль А. Дюпрона был чужд сциентизма, отличаясь возвышенностью, поэтичностью и стремлением говорить так, как говорили творцы изучаемых им текстов. Это делало его труды чрезвычайно трудными для перевода. Работы Д. Крузе переводить не менее трудно, хотя с некоторыми его статьями можно ознакомиться и по-русски [Крузе, 2001; 2005; 2006; 2015]. Приведу лишь один отрывок, иллюстрирующий стиль этого автора и некоторые из его важнейших теоретических положений:

Обряд насилия требует слияния с Богом; он есть одновременно следствие и реальность такого слияния, а слияние происходит с помощью детей, воплощающих в своей невинности эсхатологическое Слово. Бог нисходит на город. «Волнение», охватившее горожан — это Божий гнев, он преображает мужчин и женщин, которые окружили еретика...

...Когда жестокость изливается на тело богохульника, это происходит, по-видимому, вследствие обретенной людьми сокрушительной Божественной силы, дегуманизации охваченной Божьим гневом толпы, а также попытки продлить чудо слияния в Боге. Надо во чтобы то ни стало избежать неотвратимого разделения. Так в коллективном насилии соединились экстаз и меланхолия, онтологическое могущество и бессилие.

И, наконец, детское насилие сообщает Божественную истину, говорит о Божественной радости ввиду свершения людского насилия исполнения Закона и, таким образом, побуждает оставаться верными и творить новое насилие [Крузе, 2006, с. 182–183]³.

Опираясь на множество описаний конкретных случаев, автор выводит из них общую грамматику и синтаксис символического языка насилия. В книге 2020 г. речь идет о насилии исключительно католическом. Насилия было много и со стороны гугенотов, подчас оно было вызывающим, провокационным, но оно было иным, и в нем не было места детям. Об этой стороне Религиозных войн Д. Крузе писал еще в своей диссертации, впрочем, достаточно бегло, но сведения о действиях гугенотов можно почерпнуть у многих современных авторов [Брюне]. В системе католического насилия участие детей указывало на невинность и чистоту помыслов, на явление Божьей воли, на чудо теофании.

Самым убедительным чудом стала весть о том, что на парижском кладбище Невинноубиенных в августе 1572 г. расцвел сухой боярышник. Сопоставив свидетельства источников, Д. Крузе уточняет, что это произошло не 25-го, как считалось ранее, а 24 августа, т. е. наутро после убийства адмирала Колиньи и других гугенотских вождей. Политическая акция, задуманная властями как устранение опасных вождей гугенотов, моментально обрела сакральное значение — воля Бога была явлена (колючки боярышника ассоциировались с терновым венцом, а в красных вкраплениях цветков узрели кровь Христову). После этого и вспыхнула страшная резня, сопровождаемая полным «набором» ритуалов насилия. Дети проделали с телом адмирала все действия, уже знакомые читателю по описанию предыдущих погромов: труп волокли по улицам, пытались поджечь, выкинули в Сену, затем, выловив, доставили на виселицу Монфокон. Примечательно, что образ Колиньи постепенно обретал черты царя Ирода, тирана, главного слуги Антихриста. Действия толпы, предвараемой детьми, побудили судебные власти задним числом санкционировать репрессии против всех гугенотов, что изначально в планы короля не входило.

Книга Д. Крузе в целом встретила в прессе радушный прием. Хотя в антропологическом журнале левого толка автора критиковали за то, что собственно дети его не интересуют: они в восприятии толпы выступают только в роли символов, тогда как у детей была своя субкультура, свои семьи, свои отношения со взрослыми, которые, скорее всего, манипулировали ими [Catteeuw]. Но Д. Крузе, собственно, всегда оговаривал, что его интересуют не сами дети, а в первую очередь их символическое значение в языке культуры.

Есть и другое возражение: не являются ли все эти «избивающие младенцы», которые, не сговариваясь, действуют по одной схеме, лишь *loci communes*, неким литературным штампом, охотно заимствуемым авторами друг у друга? Это сомнение снимается за счет разнообразия источниковой базы автора. Его

³ В этом издании ошибочно указано, что автором перевода является К. А. Левинсон. На самом же деле эту статью переводила Л. А. Пименова.

памятная защита 1989 г. прослыла скандальной не только из-за экзотичности материала, но еще и потому, что он отказался от казавшейся в ту пору обязательной опоры преимущественно на неопубликованные материалы. Вместо этого он привлек обычно игнорируемый историками пласт источников — то, что французы называют *les canards* и *libelles*: массу «летучих листов», памфлетов, сатирических стишков и песен, апокалиптических пророчеств, сборников популярных проповедей, наряду с более привычными источниками — протестантскими «мартирологами», теологическими трактатами, донесениями местных властей, судебными постановлениями и, главное, дневниками и мемуарами современников. Влияние стереотипов описания при этом, наверное, ощущалось, но это были слишком уж разные стереотипы.

Для меня же сложнее всего оказалось разобраться в том, что нового привнес в эту книгу автор по сравнению с написанным им же как минимум три десятка лет назад. Стиль не изменился. Примеры сплошь и рядом используются те же. Неизменным остается и основной вывод: взрослые воспринимали и описывали вмешательство детей как божественный знак, побуждающий к насилию, что способствовало психологическому переходу людей в другое измерение, выходящее за рамки обычного поведения. С точки зрения истории социальной важно понимать, что единство общины, понимаемой как «община верных», мыслилось как величина сакральная. Появление «еретиков»-кальвинистов это единство нарушало, что воспринималось как вызов апокалипсического масштаба, а нарушители мыслились предателями, переметнувшимися на сторону Антихриста, и потому вычеркнувшими себя из человеческого сообщества. В условиях эсхатологических ожиданий католическое насилие приобретало панические черты: требовалось подчеркнуть нечеловеческую сущность поверженных врагов, приравнять их к скоту, очистить от них сакральное пространство города, восстановить утраченное социальное единство.

Из теоретических новаций отмечу лишь использование автором такого понятия, как «эмоциональные сообщества» — термин, который был введен Барбарой Розенвайн [Rosenwein].

Новым же, прежде всего, стало само выделение образов «невинных младенцев» в отдельный сюжет. Хотя строго обозначить границы рассматриваемого объекта для Д. Крузе так же сложно, как психоаналитику, работающему по методике Юнга, сосредоточиться на каком-то одном образе, всплывающем из подсознания пациента. Тем не менее, свои плоды такая концентрация внимания принесла. Надо учесть, что за прошедшие тридцать лет сложилась особая «школа Крузе», и его ученики ведут свои исследования, на которые вполне можно опереться⁴. Возможно, идея книги родилась у автора как отклик на семинар «Взросление в эпоху Религиозных войн: дети в религиозных столкновениях раннего Нового

⁴ Среди многих следует назвать Флоранс Бютте, Татьяну Дебагги-Баранову, Натали Зеш, Каролин Калар.

времени. Активисты, жертвы, палачи», организованный в университете Мишеля Монтеня в Бордо двумя его ученицами, Флоранс Бютте и Натали Зеш.

Новыми мне представляются и размышления об «истоках вдохновения» всех этих малосимпатичных юных погромщиков. Автор изредка ссылается на примеры неевропейские, современные — деятельность отрядов боевиков-детей на службе у колумбийских и мексиканских наркокартелей, детей из отрядов RENAMO, считавшихся неуязвимыми для взрослых во время гражданской войны в Мозамбике, или участников геноцида тутси в Руанде. Можно вспомнить еще и детскую «Армию Бога», наводившую ужас на бирманско-тайской границе, или молодых «Красных кхмеров». Но Д. Крузе предпочитает оставаться в рамках европейской ренессансной традиции, хорошо ему известной.

И здесь богатый материал предоставляет Италия. Путти — знакомые нам как милые, ангельского вида малыши, украшавшие собой полотна мастеров Кватроченто, на страницах городских хроник предстают совсем в ином свете. *Putti* закидывали камнями иноверцев и иностранцев на Страстной неделе, глумились над трупами тех, кого считали врагом города: Кола ди Риенцо (Рим, 1354), Джакомо де Паци (Флоренция, 1478), Антонио Гримани (Венеция, 1499). На последнего свалили вину за разгром венецианского флота турками при Лепанто. Зато после второй, «настоящей», битвы при Лепанто в 1571 г. все «турки, евреи и левантинцы, находившиеся в Риальто, закрылись в своих домах и не показывались на улицах целых четыре дня из страха быть забросанными камнями городскими детьми» (*di essere lapidati dei putti della Città*) [цит. по: Crouzet, 2020, p. 60].

Культура детского насилия оказалась особенно востребованной во Флоренции времен Савонаролы. Фра Джироламо (1452–1498) использовал давнюю местную традицию, включив в свой мощный религиозно-политический арсенал отряды детей [Weissman; Niccoli; Тельменко]. Дети во Флоренции продолжали выполнять традиционные для городской культуры функции, символизируя невинность и ангельскую чистоту во время религиозных служб, политических и дипломатических процессов, вызывая неизменные «слезы умиления» у зрителей. Савонарола использовал эти традиционно присущие детям роли, придав им также и новые амплуа. Дети, организованные в «компании», призваны были переформатировать карнавальные практики. Юные «плаксы» распевали инвективы Карнавалу и вместе с сожжением этого персонажа устраивали «сожжение сует» — предметов роскоши, недостойных града Христова. Более того, дети должны были бдительно следить за взрослыми нарушителями заповедей Христовых, указывать на них властям. Савонарола постоянно ставил взрослым в пример рвение мальчиков.

Д. Крузе, с одной стороны, прочерчивает линию прямой преемственности от фра Джироламо к символическим и риторическим сюжетам французских проповедников кануна Религиозных войн. С другой стороны, он указывает на структурно-антропологические соответствия, присущие культуре как итальянских, так и французских городов. Здесь и карнавальная инверсия

«мира наизнанку», привлекающая исследователей со времен М. М. Бахтина [Crouzet, 2020, p. 168–169], и социальная функция объединений молодежи, которые с попустительства или даже молчаливого одобрения властей грубо высмеивали тех, кто нарушал общинную мораль, нападали на них во время тех же карнавалов, обрядов шаривари или фарсов, разыгрываемых, например, парижской базошью (рекреационной корпорацией, объединявшей молодых клерков парижских судов). Но у Д. Крузе появляется и новый источник — песнопения, исполняемые детьми на Рождество, а также разыгрываемые мистерии и миракли, в которых детям отводилось важное место. В рождественских мистериях именно дети играли пастухов, младенцев, павших жертвой «подлого Ирода», но также они изображали и ангелов, низвергающих нечестивого мучителя в ад, где его терзают черти. По описаниям ад походил на бойню или лавку мясника, где тушу терзали, разывая на части и подвешивая на крючья. В мираклях часты были сюжеты, когда святые и ангелоподобные дети вступали в бой с мучителями детей, спасая их души из цепких лап дьявола и грешников, демонстративно и весьма поучительно расправляясь с последними. Таким образом, детям, столкнувшимся с теми, кого считали закоренелыми грешниками, слугами Антихриста или дьяволами во плоти, был хорошо известен сценарий поведения. Дети и без проповедников знали, что и как делать и во что играть в ситуации карнавального вызова.

Теперь остановлюсь на аспекте, который присутствует в книге Д. Крузе, но специально им не прописан. Мастерски раскрытый автором фон эсхатологического отчаяния действительно толкал католическое сознание к проявлениям панической жестокости, в авангарде которой выступали дети. Однако этот фон был постоянным, а «дети-палачи» появлялись лишь в определенных ситуациях, в основном тогда, когда власти не решались на карательные меры. Например, в ситуации полной неопределенности в 1559 г., после заключения мира в Каго-Камбрези и внезапной гибели Генриха II, или же после январского эдикта 1562 г., принуждавшего к веротерпимости, или после других «эдиктов умиротворения», завершавших очередную Религиозную войну. Нерешительность властей могла объясняться и скрытыми симпатиями судей и членов муниципалитетов к «социально близким» им протестантам — это были навязчивые опасения многих горожан. И опасения эти, как показывают данные социальной истории, имели некоторые основания. Важно, что жертвами становились не обычные протестанты. В первом же конфликте в Драгиньяне (октябрь 1559 г.) агрессии детей подвергся сеньор де Муван, ранее застреливший трех католиков, напавших на протестантскую молельню, а затем в порядке репрессалий разрушивший монастырь августинцев. После того как он был убит толпой, парламент Экс-ан-Прованса долго разбирал это дело и, наконец, приговорил к костру то, что осталось от тела святотатца. Инцидент, хронологически завершающий рассмотренную Д. Крузе серию жутких «игр детей», случился в Провене в октябре 1572 г. Местный священник Клод Атон описал, как судили и повесили протестанта Жана Беларделя, обвиненного в том, что семью годами ранее он убил

одного из крестьян и участвовал в грабежах во время предыдущей смуты. Гугенот отказался покаяться католическому священнику и отступить от своей «ложной веры». После того как палач и судьи покинули площадь, где стояла виселица, дети сняли с нее труп и таскали его по городу, явно намереваясь повторить то, что проделывали их парижские сверстники с телом адмирала Колиньи. Но по дороге они устроили свой суд. Они выбрали судью, обвинителя и адвоката для рассмотрения апелляции, поданной одним из детей на слишком мягкое решение «взрослого» суда, приговорившего еретика лишь к повешению, а не к сожжению. По словам Клода Атона, «одним, как молодым, так и старым, нравилось то, что дети, числом более ста, проделывали с трупом, и они подбадривали и одобряли их. Другие же, добрые католики, печалились, и отговаривали указанных детей проявлять жестокость по отношению к мертвому телу. Но те и другие католики получили большое удовольствие от самой процедуры, которую соблюдали дети перед назначенным ими же судьей, и от доводов, которые они приводили перед ним. Это всем казалось хорошо сказанным, учитывая их возраст. И сочли многие, что это предвещает некое более важное событие, которое они не могут назвать, но которое произойдет или с детьми, или с городом, или со всем французским государством» [Mémoires de Claude Haton, p. 504–505]. В этой фразе Д. Крузе видит радость грядущей встречи с Богом, ожидание наступления Царства истины. Но возможна и более приземленная надежда горожан на то, что будущее поколение будет смелее и настойчивее нынешних властей в отстаивании справедливости и веры. В тот момент бунтовать против властей жители Провена не собирались, но действиям детей, не только пародировавших, но и упрекавших королевский суд, радовались от души. Во всяком случае, этому радовались больше, чем их манипуляциям с трупом. Мне представляется чрезвычайно важным указание на то, что католическая община была вовсе не единодушна в отношении к детской жестокости.

Как бы то ни было, юные борцы с еретиками на долгое время исчезают из источников, в том числе и со страниц насыщенных информацией «Мемуаров» Клода Атона. Дети присутствуют, но в основном как жертвы — то страшного волка-оборотня, то злых родственников, то своих же сверстников. И это свойственно не только запискам священника из Провена. Д. Крузе фиксирует появление этих сюжетов, анализируя широкий круг источников.

Вновь религиозный энтузиазм детей выплеснется на улицы Парижа и других городов после совершенного по приказу Генриха III на Рождество 1588 г. убийства Генриха Гиза и его брата — кардинала Лотарингского. Для католиков открылась страшная правда: на троне оказался не христианнейший король, а Ирод, слуга Антихриста, а то и сам Антихрист! Даже советская «История Франции» оказалась впечатлена тем, что парижане устроили 100-тысячную процессию, во время которой дети, одетые в белые рубахи, «по сигналу гасили свечи и кричали: “Так да погасит господь династию Валуа!”» [Сказкин, с. 230]. Но это были уже другие дети, они и вели себя по-другому, и описывали их иначе. Прежде всего, у них появился пол: отдельно упоминались шествия мальчиков,

отдельно — девочек. Часто говорилось о том, что детей выводили на улицу под руководством principals коллежей. Дети пели гимны, степенно шествовали со свечами и не бесчинствовали. Ну, почти не бесчинствовали, поскольку мальчишки все-таки забросали камнями особняк, принадлежавший герцогу д'Эпернону, фавориту короля.

Тема насилия, которое после гибели невинноубиенных Гизов неминуемо должно постичь «подлого Ирода» — Генриха III, сфокусировалась на личности монаха Жака Клемана. Он хоть и вышел из детского возраста, но, сохраняя невинность в поступках и помыслах, сумел принести себя в жертву, убить короля-тирана и спасти мир от этого слуги Антихриста.

Если же говорить о детях, то, по-видимому, их дисциплинированность стала результатом новой педагогики, ведь в Париже уже четверть века действовала иезуитская Клермонская коллегия, и многие учебные заведения подражали новым методам иезуитов. Сама Католическая Лига была актом социальной дисциплинарзации. Резкий спад волны эсхатологического насилия после 1572 г. объяснялся тем, что ожидаемого чуда не произошло. Война продолжалась, а кальвинисты, истолковав катастрофу Варфоломеевской ночи как ниспосланное свыше испытание, еще раз подтверждавшее их богоизбранность, сплотили ряды и продолжили ожесточенное сопротивление. Рассуждая о причинах неудачи, католические мыслители искали объяснение в том, что к осуществлению святого замысла примкнули недостойные люди, невежественные и нечестивые, преследовавшие корыстные цели, склонные не к молитвам, а к грабежам и насилию. Потому-то Лига и была создана в виде тайного братства, куда принимали только достойных, состоятельных, надежных людей, обладавших высокой моралью и истинной верой.

Католицизм, толкавший людей на погромы в 1559–1572 гг., был еще старым, «корпоративным католицизмом». Вера лигеров все в большей и большей степени трансформировалась в католицизм, развивавшийся в духе реформ Тридентского собора. Католическая Лига, проиграв политически, выиграла битву за умы. Наступающий XVII век станет «веком святых».

Однако в отношении детей Старый порядок был настроен решительно. Так, в 1621 г. гугеноты подняли мятеж, укрепившись в неприступной Ла Рошели. Хотя большинство протестантских общин остались верны королю, тем не менее, в городе Туре толпа мальчишек забросала камнями похоронную процессию протестантов и вовлекла в смуту взрослых из бедных предместий, в результате чего был сожжен протестантский храм, а гугеноты начали покидать город. Муниципальные власти не смогли остановить погромщиков. Людовик XIII, менее всего желавший разрастания религиозного конфликта, повелел немедленно навести порядок. В Тур были стянуты войска, королевские представители занялись выявлением зачинщиков, приструнили ретивых католических проповедников и... вызвали родителей буйных отроков! А ведь прежде в источниках никогда не вспоминалось о том, что у таких детей были семьи. Усилиями короля порядок был восстановлен.

О детях опять стали говорить в основном в страдательном залоге. Большую популярность получила сказка про Мальчика-с-пальчик и детей, брошенных взрослыми на верную смерть, но в итоге оказавшихся умнее родителей. Д. Крузе вспоминает также слухи о похищениях детей, будоражившие умы в 1750 г. [Farge, Revel]. Самостоятельная политическая активность детей уйдет в прошлое. Вновь дети выйдут на сцену истории в образе невинного ребенка и активного участника событий уже во время Революции XVIII в. и вскоре после нее, когда в десакрализованном контексте они станут воплощением французской нации, «вечного народа-ребенка», по выражению Жюль Мишле. Российскому читателю, я думаю, будет уместно вспомнить Гавроша.

Д. Крузе, как уже говорилось, иногда обращается к современным аналогиям и к экзотическому этнографическому материалу. Но дальше упоминаний не идет. Его дело — предоставить добротный материал для тех, кто пожелает использовать французский пример для анализа образа детей и включения ребенка в современное политическое пространство. Думаю, что с этой задачей он вполне справился.

Источники

Документы по истории Франции середины XVI века: преддверие Религиозных войн (1559–1560) / публ. Т. П. Вороновой и Е. Г. Гурари под ред. А. Д. Люблинской ; отв. ред. 2-го изд. В. В. Шишкин. М. : ИВИ РАН, 2013. (Приложение к журналу «Средние века» ; вып. 7).

Mémoires de Claude Haton / éd. integrale sous la dir. de L. Bourquin. T. 2. Paris : Éd. de Comit des Travaux historiques et scientifiques, 2003.

Исследования

Брюне С. Кальвинистские консистории и муниципалитеты французского юга во время первых религиозных столкновений (1560–1562) // Религиозные войны во Франции XVI века. Новые источники, новые исследования, новая периодизация / ред. Ю. Досси, В. В. Шишкин. СПб. : Евразия, 2015. С. 154–172.

Гершензон-Чегодаева Н. М. Брейгель. М. : Искусство, 1983.

Крузе Д. Монархическая власть и таинство смысла: сообщение о Варфоломеевской резне / пер. с франц. С. К. Цатуровой, П. Ю. Уварова // Варфоломеевская ночь: событие и споры / отв. ред. П. Ю. Уваров. М. : РГГУ, 2001. С. 102–137.

Крузе Д. Король и насилие: из истории французского абсолютизма XVI в. / пер. с франц. Ю. В. Ткаченко // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972). 2005. С. 166–191.

Крузе Д. След другой истории: Бог и избивающие младенцы / [пер. с франц. Л. А. Пименовой] // История и антропология. Междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI веков / под общ. ред. М. Крома, Д. Сэбиана, Г. Альгази. СПб. : Алетейя, 2006. С. 163–190.

Крузе Д. Нострадамус. Исцеление душ эпохи Ренессанса / пер. с франц. А. Б. Захаревич, А. Ю. Беспятых. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.

Крузе Д. История наизнанку? Король и религиозный раскол во Французском королевстве в XVI веке // Религиозные войны во Франции XVI века. Новые источники, новые исследования, новая периодизация / ред. Ю. Досси, В. В. Шишкин. СПб. : Евразия, 2015. С. 269–294.

Сказкин С. Д. Реформация и Религиозные войны // История Франции / отв. ред. А. З. Манфред. М. : Наука, 1972. Т. 1.

Тельменко Е. П. Савонарола, горожане и «мальчики Христа»: к вопросу о судебных полномочиях детской «полиции нравов» во Флоренции конца XV в. // *Право в средневековом мире* / ред. Г. А. Попова. М. : ИВИ РАН, 2010. С. 169–181.

Catteeuw L. [Rec. ad op.:] Denis Crouzet, Les Enfants bourreaux au temps des guerres de Religion // *Revue du MAUSS*. 2020. URL: http://www.journaldumauss.net/spip.php?page=imprimer&id_article=1541 (date of access: 05.02.2021).

Cegarra M. Le quotidien de l'enfance. À propos d'un tableau de Bruegel l'Ancien // *Ethnologie française*. 2000. Vol. 30, No. 1. P. 119–130.

Crouzet D. La representation du temps à l'époque de la Ligue // *Revue Historique*. 1982. Vol. 578. P. 297–388.

Crouzet D. Les guerriers de Dieu: la violence au temps des troubles de religion, vers 1525 – vers 1610 / préface de P. Chaunu, avant-propos de D. Richet. Vol. 1–2. Seyssel : Champ Vallon, 1990.

Crouzet D. La Nuit de la Saint-Barthélemy: Un rêve perdu de la Renaissance. Paris : Fayard, 1994.

Crouzet D. Les enfants bourreaux au temps des guerres de Religion. Paris : Albin Michel, 2020.

Dupront A. La Chrétienté et l'Idée de Croisade. Paris : Albin Michel, 1954.

Dupront A. Le Mythe de Croisade. Vol. 1–4. Paris : Gallimard, 1997.

Farge A., Revel J. Logiques de la foule. L'affaire des enlèvements d'enfants, Paris 1750. Paris : Hachette, 1988.

Niccoli O. Il seme della violenza: putti, fanciulli e mammoli nell'Italia tra Cinque e Seicento. Roma : GLF editori Laterza, 2007.

Rosenwein B. Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca : Cornell Univ. Press, 2006.

Weissman R. Ritual Brotherhood in Renaissance Florence. New York : Academic Press, 1982.

References

Brunet, S. (2015). Kal'vinistskie konsistorii i munitsipaliteti frantsuzskogo iuga vo vremia pervykh religioznykh stolknovenii (1560–1562) [Calvinist Consistories and Municipalities of the South of France during the First Religious Clashes]. In H. Daussy, & V. V. Shishkin (Eds.), *Religioznye voyny vo Frantsii XVI veka. Novye istochniki, novye issledovaniia, novaia periodizatsiia* [The Wars of Religion in 16th-Century France. New Sources, New Research, New Periodisation] (pp. 154–172). St Petersburg: Evraziia.

Catteeuw, L. (2020). Denis Crouzet, Les Enfants bourreaux au temps des guerres de Religion. *Revue du MAUSS*. Retrieved from http://www.journaldumauss.net/spip.php?page=imprimer&id_article=1541

Cegarra, M. (2000). Le quotidien de l'enfance. À propos d'un tableau de Bruegel l'Ancien. *Ethnologie française*, 30(1), 119–130.

Crouzet, D. (1982). La representation du temps à l'époque de la Ligue. *Revue Historique*, 578, 297–388.

Crouzet, D. (1990). *Les guerriers de Dieu: la violence au temps des troubles de religion, vers 1525 – vers 1610* (Vols. 1–2). Seyssel: Champ Vallon.

Crouzet, D. (1994). *La Nuit de la Saint-Barthélemy: Un rêve perdu de la Renaissance*. Paris: Fayard.

Crouzet, D. (2001). Monarkhicheskaia vlast' i tainstvo smysla: soobshchenie o Varfolomeevskoi rezne [Monarchic Authority and the Sacrament of Sense: Notes on St Bartholomew's Day Massacre] (S. K. Tsaturova, & P. Yu. Uvarov, Trans.). In P. Yu. Uvarov (Ed.), *Varfolomeevskaia noch': sobytie i spory* [St Bartholomew's Day: The Event and Disputes] (pp. 102–137). Moscow: RGGU.

Crouzet, D. (2005). Korol' i nasilie: iz istorii frantsuzskogo absolutizma XVI v. [The King and the Violence: On the History of 16th-Century French Absolutism] (Yu. V. Tkachenko, Trans.). *Frantsuzskij ezhegodnik 2005 (Absolutizm vo Frantsii. K 100-letiiu B. F. Porshneva (1905–1972))* [Absolutism in France. On the Centenary of Boris Porshnev (1905–1972)], 166–191.

Crouzet, D. (2006). Sled drugoi istorii: Bog i izbivaiushchie mladentsy [Traces of Another History: God and the Massacring Innocents] (L. A. Pimenova, Trans.). In M. Krom, D. W. Sabeau, & G. Algazi (Eds.), *Istoriia i antropologiia. Mezhdistsiplinarnye issledovaniia na rubezhe XX–XXI vekov*

[History and Anthropology. Interdisciplinary Research at the Turn of the 21st Century] (pp. 163–190). St Petersburg: Aleteia.

Crouzet, D. (2011). *Nostradamus. Istselenie dush epokhi Renessansa* [Nostradamus, or the Renaissance Soul Healing] (A. B. Zakharevich, & A. Yu. Bespyatykh, Trans.). St Petersburg: Ivan Limbakh Press.

Crouzet, D. (2015). Istoriiia naiznanku? Korol' i religiozniy raskol vo Frantsuzskom korolevstve v XVI veke [Turning History Inside Out? The King and Religious Split in the 16th-Century French Kingdom]. In H. Daussy, & V. V. Shishkin (Eds.), *Religioznye voiny vo Frantsii XVI veka. Novye istochniki, novye issledovaniia, novaia periodizatsiia* [The Wars of Religion in 16th-Century France. New Sources, New Research, New Periodisation] (pp. 269–294). St Petersburg: Evraziia.

Crouzet, D. (2020). *Les enfants bourreaux au temps des guerres de Religion*. Paris: Albin Michel.

Dupront, A. (1954). *La Chrétienté et l'Idée de Croisade*. Paris: Albin Michel.

Dupront, A. (1997). *Le Mythe de Croisade* (Vols. 1–4). Paris: Gallimard.

Farge, A., & Revel, J. (1988). *Logiques de la foule. L'affaire des enlèvements d'enfants, Paris 1750*. Paris: Hachette.

Guershenzon-Chegodavaeva, N. M. (1983). *Breigel'* [Bruegel]. Moscow: Iskusstvo.

Niccoli, O. (2007). *Il seme della violenza: putti, fanciulli e mammoli nell'Italia tra Cinque e Seicento*. Roma: GLF editori Laterza.

Rosenwein, B. (2006). *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca: Cornell University Press.

Skazkin, S. D. (1972). Reformatsiia i Religioznye voiny [Reformation and Religious Wars]. In A. Z. Manfred (Ed.), *Istoriiia Frantsii* [History of France] (Vol. 1). Moscow: Nauka.

Tel'menko, E. P. (2010). Savonarola, gorozhane i "mal'chiki Khrista": k voprosu o sudebnykh polnomochiiakh detskoj "politsii npravov" vo Florentsii kontsa XV v. [Savonarola, Citizens and the "Boys of Christ": On the Issue of Judicial Powers of the Children's "Morality Police" in Florence in the Late 15th Century]. In G. A. Popova (Ed.), *Pravo v srednevekovom mire* [Law in the Medieval World] (pp. 169–181). Moscow: IVI RAN.

Weissman, R. (1982). *Ritual Brotherhood in Renaissance Florence*. New York: Academic Press.

Уваров Павел Юрьевич

доктор исторических наук, член-корреспондент РАН

¹ главный научный сотрудник, заведующий отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени

Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский пр., 32а;

² профессор Школы исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории социальных исследований Центра фундаментальных исследований Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
105006, Москва, Старая Басманная ул., 21/4, стр. 3

E-mail: oupav@mail.ru

Uvarov, Pavel Yurievich

Dr. Hab. (History), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

¹ Chief Researcher, Head of the Department of the Western European Middle Ages and Early Modern Times

Institute of World History RAS
32a, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russia

² Professor, School of Historical Sciences, Leading Researcher, Laboratory of Social Research, Centre for Fundamental Research National Research University Higher School of Economics

21/4, build. 3, Staraya Basmanaya Str.,
105006 Moscow, Russia

Email: oupav@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0808-2277>

ResearcherID: E-2807-2017

Scopus AuthorID: 56297330900